МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОБОЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ им. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Диалог культур и цивилизаций

Материалы XIII Всероссийской научной
конференции молодых исследователей

16–17 марта 2012 г.

Тобольск, 2012

ББК 63.3(0) -7
Д 44

Печатается по решению редакционно-издательского совета ТГСПА им. Д.И. Менделеева

Д 44 Диалог культур и цивилизаций: Материалы XIII Всероссийской научной конференции молодых исследователей. – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012. – 178 с.

В сборнике опубликованы материалы докладов участников XIII Всероссийской научной конференции молодых исследователей, проходившей на базе ТГСПА им. Д.И. Менделеева 16–17 марта 2012 г. В работе конференции участвовали студенты, аспиранты, преподаватели и сотрудники вузов городов Урала, Сибири и других регионов (Барнаул, Екатеринбург, Ижевск, Курган, Кемерово, Нижневартовск, Нижний Тагил, Оренбург, Пермь, Тобольск, Тюмень, Шадринск).

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание представленных материалов редакционная коллегия ответственности не несет.

Редакционная коллегия:
Е.В. Боркова, О.И. Еремеева, О.В. Конева, М.Ю. Лаптева, Л.В. Останина, Г.К. Скачкова, С.В. Сотникова, Л.Н. Суслова, И.В. Яркова.

ISBN 978-5-85944-130-4

© Исторический факультет ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012
© ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012

умеренное русло. В-третьих, карьерные соображения отдельных офицеров. В-четвертых, офицеры, члены политических партий, пытались реализовать свои политические идеалы.

Многие из приведенных цифр носят предварительный характер. В дальнейшем предстоит расширять источниковую базу исследования, продолжить выявление персоналий офицеров и их биографических сведений.

1. Баранченко В.Е. Гавен. М., 1967.
2. Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959.
3. Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004.
4. Государственное совещание. Стенографический отчет. М.-Л., 1930.
5. Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1931.
6. Зедин // БСЭ. Т. 9. М., 1972.
7. Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917.
8. Крестьянников В.В. Классные медицинские чины Черноморского флота и береговых частей в 1-й мировой и гражданских войнах // Память о прошлом. Севастополь, 2007.
9. Крестьянников В.В. Офицеры Черноморского флота – георгиевские кавалеры 1-й мировой войны // Память о прошлом. Севастополь, 2007.
10. Крестьянников В.В. Севастопольская городская организация партии социалистов-революционеров в 1917 г. // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006.
11. Крымский Вестник. (Севастополь). 1917.
12. Левговд Р.Р. Вице-адмирал Александр Васильевич Колчак и Черноморский флот в 1916/17 гг. // Исторический архив, 2008. №5.
13. Немитц А.В. Недавнее прошлое русского флота (по материалам воспоминаний) // Гражданская война в России: Черноморский флот. М., 2002.
14. Платонов А.П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925.
15. Приказы командующего Черноморским флотом. 1917 г. Ч. 2. // Научно-справочная библиотека РГАВМФ.
16. РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 2.
17. РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1.
18. РГАВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1.
19. РГАВМФ. Ф. Р-397. Оп. 3.
20. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Пг., 1916.
21. Толстов И., Столяренко М. Зедин Карл Янович // Герои Октября. Т. 1. Л., 1967.
22. Українізація Чорноморського флоту в добу Центральної Ради. Зб. док. Севастополь, 2007.
23. Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971.

Д.В. Пузанов
Удмуртский госуниверситет, студент

ЗНАМЕНИЯ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В различных религиозных системах знамения занимают важное место. В отличие от скупых норм догматики, по которым исследователи реконструируют красивую и логичную, но далекую от реальной жизни картину «идеальной религии», вера в знамения отражает свойственное людям, вне зависимости от их расовой, этнической и конфессиональной принадлежности, стремление узнать будущее. В авраамических же религиях знамения, зачастую, были единственным средством познания воли Божьей, важным визуальным элементом устрашения и воспитательной работы [см. напр.: 3, с. 690].

Первыми к осмыслению феномена знамения обратились древнерусские книжники. В XI–XIII вв. это была нелегкая задача. За спиной у летописцев не было сложившейся национальной христианской традиции, которую приходилось формировать, опираясь на византийские хроники (и перенося описанные там явления на древнерусские реалии [4, с. 184–185]), догматическую литературу, мнение уважаемых старцев [3, с. 516], народные представления, не противоречившие христианскому миропониманию. Как следствие, со временем, основным источником декодирования знамений для летописцев становятся труды их предшественников.

Изучение знамений летописцами было далеким от научного. Критическому анализу подвергались лишь народные верования, при этом апокрифы, летописи, не говоря уже о догматической литературе, обычно, пользовались непререкаемым авторитетом. Единственным источником критики выступала христианская догматика.

На заре исторической науки также не было питательной почвы для научного отношения к мировосприятию древнерусского человека. Психика человека считалась неизменной, а знамения, в соответствии с мировоззрением человека XVIII в. представлялись как нравоучительные басни и выдумки, созданные хитроумными летописцами.

Ситуация начала меняться на рубеже XIX–XX вв., когда стали известны важнейшие открытия в области исторической психологии. Среди исследований, проведенных в этот период, особый интерес представляют работы М.Н. Сперанского, позволяющие, на примере гаданий, проследить отношение официальной церкви к стремлению человека познать будущее. Это стремление М.Н. Сперанский связывал с общечеловеческой психологией. С этим воззрением, психологическим фактором, должно было считаться и христианство, создавшее, поэтому не только религиозный и нравственный закон и литературу, но и пророческую книгу – Апокалипсис [12, с. 2].

Если М.Н. Сперанский изучал письменные источники, то А.Н. Афанасьев пытался реконструировать религиозные представления народа, в том числе о знамениях на основании фольклорных данных [7]. А.Н. Афанасьев смотрел на знамения как на особую, поэтическую форму осмысления природных процессов. Не упускал исследователь из виду и психологический фактор.

Д.О. Святский касался вопроса о знамениях в контексте изучения астрономических знаний в Древней Руси [11]. Его работа «Очерки истории астрономии Древней Руси» уникальна в том плане, что исследователь впервые сопоставляет данные современной ему астрономии, со сведениями, зафиксированными в летописях и фольклорных источниках. Пытается он также дать научную интерпретацию некоторым древнерусским представлениям. Так, Д.О. Святский обратил внимание на летописное сообщение под 1064 г., в котором содержится указание на древнее языческое представление о том, что солнце некто съедает. При сопоставлении этого сообщения с фольклорной традицией исследователь пришел к выводу, что солнце, согласно народному поверью, съедают «вовкулаки». Применив полученную информацию для декодирования известия «Слова о полку Игореве» о Всеславе Полоцком, Д.О. Святский пришел к выводу, что в «Слове» содержится указание на способность князя «обращаться в волка или делаться волкодлаком и «перерыскивать» путь богу солнца – Хорсу, иначе говоря, производить солнечное затмение» [11 , с. 313]. Из этого Д.О. Святский делает вывод, что «летописец, упомянув о съедании солнца во время затмения, как раз имел ввиду ходившие в народе слухи о главном его виновнике, князе-оборотне, наводившем ужас на псковский и новгородский края своими набегами» [11, с. 313–314]. Несмотря на то, что историк связал появление этих представлений с конкретными походами князя на Псков (1065 г.) и на Новгород (1066 г.), его построения остаются достаточно шаткими. Во-первых, Д.О. Святский сам же указывает на распространенность сюжета поедания солнца не только у русского, но и у других народов [11, с. 314]. Во-вторых, текст «Слова о полку Игореве» не содержит указаний на способность Всеслава производить затмения. Более того, представление о Всеславе как князе-оборотне не является в современной науке общепринятым. Посвященный ему сюжет («а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъком путь перерыскаше. Тому въ Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киеве звонъ слыша» [6, с. 264]) может свидетельствовать лишь о «быстроте бега» [13, с. 259–260] князя, внезапности его набегов. Наконец, далеко не все народные представления связывали волкулаков с оборотническими функциями. Еще А.Н. Афанасьев отмечал: «Славянская Кормчая книга сохранила драгоценное указание, что в этих оборотнях народ видел некогда стихийных духов, нагоняющих на горизонт темные тучи, а не простых смертных»[7, т. 3, с. 260]. Не является единственным (хотя и доминирует) представление о волкулаках как оборотнях и в позднем славянском фольклоре [8, с. 418–419].

К еще одной интересной интерпретации Д.О. Святского можно отнести трактовку народного поверья, согласно которому падение звезды означает смерть человека. Автор, справедливо, связывал эти представления с древним верованием «в то, что небо представляет собой отражение всего того, что делается на земле, и число звезд на небе будто бы равно числу людей на земле» [11, с. 400]. Подобные верования, действительно, не могли возникнуть на основе позднего, христианского, мировоззрения (в Палее, например, читаем: «Въ 4 оубо день сътвори Богъ светилникы ты, Адама же не бе еще на земли, то чье роженье толь множество прознаменаша? Обличимъ и пакы блаженымъ онемъ Аврамомъ, иже обличи халдеем, мняща ся звездочьтьца о рождении и о смерти, осуженаго / и приведенаго предъ него» [5, с. 54]). Напротив, представления о кометах, как знаках Божьего гнева, Д.О. Святский, также небезосновательно, относит к византийской апокрифической традиции [11, с. 368]. Обращает внимание исследователь и на восприятие летописцами метеоритов как огненных змеев [11, с. 405].

Тем не менее, работа Д.О. Святского не дает полного представления по интересующей нас теме. Ведь под взором исследователя находились космологические представления в целом, знамениям и их трактовке он уделял не так много внимания. Космологическими явлениями ограниченна и выборка, которой Д.О. Святский подкрепляет свои интерпретации. Встречаются у него и неправильные трактовки информации, содержащейся в древнерусских источниках. Например, сообщение Лаврентьевской летописи о явлении огненного столпа над церковным крестом трапезной Киево-Печерского монастыря в 1110 г. Д.О. Святский связывает с падением метеорита [11, с. 405]. Между тем данный вид явлений (огненные столпы) широко известен на Руси. Упоминания о нем содержатся не только в летописях, но и в житиях: «Благоверный же князь Святослав бе не далече от блаженааго стоя, и се виде стълпъ огньнъ, до неббесе сущь надъ монастырьмь темь. Сего же инъ никътоже виде, нъ тькъмо князь единъ, и якоже от того рузумети преставление блаженного» [1, с. 432]. Не в пользу теории Д.О. Святского свидетельствуют и фантастическое поведение столпа («се же столпъ первее ста на трапезници каменеи яко не видете быс крста и полстаявъ мало съступи на цркьвь и ста надъ гробомъ Феодосьевым» [2, с. 284]), и явная параллель рассматриваемого летописного известия с библейским текстом (Ис. 4:5).

В советский период возможности изучения истории религии были ограничены. Церковь представлялась как служанка господствующего класса-эксплуататора, а религия, в соответствии с К. Марксом, как «опиум народа». В этих условиях не было питательной среды и для серьезного изучения знамений.

В постсоветский период изменилось отношение и к церкви, и к религии, что не могло не сказаться на историографических приоритетах. Наметилось повышение интереса исследователей и к рассматриваемой проблеме.

Основательный и достаточно полный труд посвятил знамениям А.В. Лаушкин. В своей статье «Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XII вв.» А.В. Лаушкин систематизировал огромный пласт явлений, записанных в летописях, и трактуемых книжником как знамения. Эта систематизация была дополнена анализом Ветхозаветной традиции, согласно которой, по мнению исследователя, знамения являлись «лишь инструментами в руках Бога, который с их помощью хочет вразумить людей и привести их к исправлению, и в зависимости от реакции последних может или излить

обещанный в знамениях гнев, или остановить его» [10, с. 41]. Подобный же характер знамений, по мнению А.В. Лаушкина, отражают полемические произведения Серапиона Владимирского. Обратил внимание историк и на «ложные знамения», «которых христианину следует остерегаться, поскольку их творят нечистые духи, желая обмануть и искусить людей» [10, с. 37]. Проанализировав поведение книжника, А.В. Лаушкин приходит выводу о том, летописец столкнулся со сложной задачей – не ошибиться в трактовки знамения. При этом «критерием истинности знамения они [книжники – Д.П.] считали его подчеркнутую явственность (это не сон и не видение), открытость для наблюдения большому количеству людей» [10, с. 39]. Отметил исследователь и большую долю осторожности в трактовке неизвестных явлений летописцем: она всегда производилась «post factum, когда смысл знамения уже прояснился» [10, с. 41] и, как правило, сводилась к определению «на добро» или «на зло» произошло то или иное явление. А.В. Лаушкин попытался также проиллюстрировать зависимость определенного вида знамений (солнечные и лунные знамения, оптические явления (гало и северные сияния), падение комет, метеоритов, звездные дожди, грозы, землятресения, и пр. [10, с. 43–53]) от его интерпретации летописцем. Огромную роль в восприятии знамений исследователь отводил также эсхатологическим ожиданиям [10, с. 53–58].

В то же время А.В. Лаушкин, практически не анализирует гносеологические мотивы, побуждавшие летописца так или иначе трактовать то или иное знамение. Знамения он рассматривает только с позиции христианской догматики и даже не оговаривает возможность синтеза христианской и народной традиции. Имеют место в работе спорные положения и выводы. Так, необоснованным представляется слияние автором понятий «ложного чуда» и «ложного знамения» («Имеются примеры «ложных» чудес и знамений и в древнейшем летописании» [10, с. 37]). «Ложные чудеса», действительно, присутствуют в летописании. Однако «ложные знамения» можно встретить только в догматической литературе и апокрифах. И их основные герои – лица, выдающие себя за Христа, или подделывающие святость: лжепророки, лжехристы, Антихрист (Вт. 13:1; Ис. 44:25; Мф. 24:24; 2Фес. 2:9; Откр. 13:13–14, 16:14). В целом, работа А.В. Лаушкина выполнила свою исследовательскую задачу, но оставила огромный простор для дальнейшего исследования и развития темы.

Одна из последних работ, посвященных знамениям и чудесам, принадлежит, В.В. Долгову. Исследователь обращает внимание на то, что в древности не было четкого «противопоставления мира божественного и земного» [9, с. 395]. Касаясь летописного материала, он замечает, что новгородская летописная традиция куда менее красноречиво трактует характер тех или иных знамений, чем южнорусская. Этот казус, по мнению историка, объясняется степенью образованности летописца, а также наличием или отсутствием событийной предпосылки для толкования того или иного знамения. На примере явно выдуманного эпизода о плаче новгородских икон, исследователь пытается доказать, что знамения могли играть роль пропаганды.

Работа В.В. Долгова основана на меньшем круге источников, чем у его предшественников и также не покрывает всех вопросов, возникающих при изучении феномена. Кроме того, исследователь рассматривает знамения в рамках чудес, поскольку его исследование в основном и посвящено психологическому казусу «чудесного» в жизни древнерусского человека.

Таким образом, феномен знамения в домонгольской Руси неоднократно обращал на себя внимание исследователей. Были изучены интерпретации отдельных знамений книжниками, выявлена общая картина христианского восприятия знамений, предпринимались попытки типологизации знамений. Тем не менее, в изучении проблемы остается немало белых пятен. В частности, не было еще ни одной работы, исследующей знамения в контексте древнерусского понимания термина, а не в контексте современных представлений. По-прежнему слабой остается источниковедческая база, которой оперируют исследователи. За основу берутся летописи и произведения религиозно-полемического характера. При этом шестодневы и близкие к ним сборники (Палея) игнорируются. Как следствие – из поля зрения выпадает огромный пласт знамений, предсказывающих изменения в погоде, а потому имеющих фатальный характер (сейчас мы называем это приметами) [например: 5, с. 52–53]. После Д.О. Святского не было предпринято ни одной серьезной попытки сопоставить фольклорные сведения о тех или иных знамениях с письменными источниками. При том, что сам Д.О. Святский ограничился космологическими явлениями, а многие его положения и выводы требуют пересмотра либо дополнительного обоснования. Проведение подобного анализа на основе современной методики позволит отделить более ранние представления от тех, которые были привнесены христианством, что откроет новые возможности осмысления синтеза языческого и христианского начала в мировоззрении древнерусского человека. До сих пор не ясна вся палитра тех источников, к которым обращался летописец, анализируя значения знамения, какая картина возникала перед древнерусским человеком во время созерцания необычного явления. Наконец, никто еще не пытался проанализировать все эти явления в хронологической последовательности, выявить эволюцию во взглядах на знамения и приемах трактовки их летописцем.

В целом, изучение феномена знамений является перспективной задачей. Если, конечно, подходить к знамению, как важнейшему элементу средневековой культуры, порожденному сложным синтезом старого и нового, язычества и христианства, автохтонной и византийской традиции.

1. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1999.
2. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т.1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
3. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
4. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М., 2000.
5. Палея толковая. М., 2002.

6. Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII в. СПб., 2000.
7. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1,3. М., 1995.
8. Гура А.В., Левкиевская Е.Е. Волколак // Славянские древности / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995.
9. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007.
10. Лаушкин А.В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XII вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Книжная культура. Вып. 1. М., 1998.
11. Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М., 2007.
12. Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг: Гадание по псалтыри. СПб., 1899.
13. Творогов О.В. Всеслав Брячиславич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т. 1. / отв. ред. О.В. Творогов. СПб., 1995.

А.В. Спичак
Нижневартовский гуманитарный госуниверситет, аспирант

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ XVIII – начало XX вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУТО «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В Г. ТОБОЛЬСКЕ»)

Получить информацию о человеке, обществе, государстве, о событиях, происходивших в разное время и в различных частях мира, можно только опираясь на исторические источники [1].

Исторические источники – весь комплекс документов и предметов материальной культуры, непосредственно отразивших исторический процесс и запечатлевших отдельные факты, и свершившиеся события, на основании которых воссоздается представление о той или иной исторической эпохе, выдвигаются гипотезы о причинах или последствиях, повлекших за собой те или иные исторические события [2].

Исторические источники позволяют воссоздать картину истории. Источниковая база играет важную роль, без нее любое серьезное исследование было бы неполным. Одним из хранителей документов является ГУТО (Государственный архив) в г. Тобольске, в котором хранится огромное количество ценных источников по истории России, в том числе по истории Русской Православной Церкви.

Автор статьи использует классификацию источников, данную И.Н. Данилевским: массовые источники; законодательство; акты; делопроизводственные материалы; материалы фискального, административного и хозяйственного учета; статистика; публицистика; периодическая печать, источники личного происхождения. Автор статьи пользовался данной классификацией при анализе документов по истории Тобольской епархии [1].

Эмпирической основой данной работы послужили документы архивных фондов церквей Тобольской епархии, хранящиеся в Государственном архиве г. Тобольска. Данный архив содержит фонды 53 церквей Тобольской губернии, общей численностью 1595 единиц хранения. Документы охватывают период с 1721 по 1928 гг. Автором были проанализированы документы 34 фондов церквей: Обдорской Васильевской [14], Чемашевской Николаевской [15], Юганской Богоявленской [12], Преображенской церквей [9] и др.

Наряду с фондами по церквам, были изучены следующие фонды: фонд Канцелярии Епископа Тобольского и Сибирского 1729–1929 гг. (357 ед.х.) [3], фонд Тобольского училищного совета 1884–1918 гг. (253 ед.х.) [6], фонд Епархиального комитета по устранению церковного была 1908-1918 гг. (32 ед.х.) [7], фонд Благочиния церквей Сургутского уезда 1856–1911 гг. (30 ед.х.) [8], фонд Тобольского Епархиального Совета (283 ед.х.) [13], фонд Тобольской духовной консистории 1721–1922 гг. (3057 ед.х.) [11].

На основании архивных материалов автор статьи приходит к следующим выводам.

Законодательные акты можно разделить на верховные (Указы Императора, Указы Синода, Циркуляры училищного Совета при Синоде и др.), епархиальные (Указы Консистории, Предписания благочинных и др.). Указы царя, Синода распространяли свою власть на всю территорию Российской Империи. Эти документы присылались в Консисторию – епархиальное управляющее учреждение, в Консистории документы переписывались с пометкой «Из Тобольской Духовной Консистории» и рассылались по местам.

Указы Царя обычно содержали информацию о наиболее важных событиях в жизни Российской Империи: о рождении, крещении детей царской семьи, о начале и окончании войны и т.д. Текст этих документов состоял из двух частей: информационной и распорядительной (приказание читать молитвы в честь описываемого в приказе события). В фонде Канцелярии Епископа Тобольского и Сибирского в деле «Указы Синода 1831 года» был найден Приказ Николая I с сообщением о распространении эпидемической болезни холеры. Примечательно, что на копии в нижней части документа слева вместо подписи напечатано «На подлинном подписано ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако: НИКОЛАЙ» [4].

Практически все руководящие документы с начала XIX в. были печатными. Анализ законодательных актов позволяет выявить основные верховные и епархиальные документы по управлению РПЦ, особенности их составления и оформления, структуру управления религиозными учреждениями.

Материалы хозяйственного учета включают приходные и расходные книги; книги для записи суммы и провизиона, выдаваемых священно-церковнослужителям; списки на получение жалованья, описи имущества церквей и др. Полная опись имущества церкви называлась «главной». В 1897 г. эти описи составлялась в виде книги, выдаваемой Духовной Консисторией. На первой странице книги, написано от руки «Настоящая книга выдана из Тобольской Духовной Консистории, за надлежащим подписом, шнуром и печатью, для главной описи церковного имущества село Липоярской Введенской церкви, Тобольского округа». Книга состоит из трех частей. В начале книги напечатаны правила об усовершенствовании сохранности церковных и ризничных вещей и библиотек с указанием как следует вести книгу. «ПРАВИЛА Об усовершенствовании способов сохранности в монастырях, соборах и древнейших и значительнейших церквах, церковных и ризничных вещей,